

Василий Богучарский

Чаадаев Петр Яковлевич

Василий Богучарский
Чаадаев Петр Яковлевич

«Public Domain»

1907

Богучарский В. Я.

Чаадаев Петр Яковлевич / В. Я. Богучарский — «Public Domain»,
1907

«Чаадаев (Петр Яковлевич) – известный русский писатель. Год рождения его точно неизвестен. Лонгинов говорит, что Ч. родился 27 мая 1793 г., Жихарев считает годом его рождения 1796-й, Свербеев неопределенно относит его к «первым годам последнего десятилетия XVIII века». По матери Ч. приходился племянником князей Щербатовых и внуком известного русского историка. На руках этой родни Ч. получил первоначальное, замечательное для того времени образование, которое закончил слушанием лекций в Московском университете. Зачислившись юнкером в семеновский полк, он участвовал в войне 1812 г. и последующих военных действиях. Служа затем в лейб-гусарском полку, Ч. близко сошелся с учившимся тогда в Царскосельском лицее молодым Пушкиным. По словам Лонгинова, «Ч. способствовал развитию Пушкина, более чем всевозможные профессора своими лекциями». О характере бесед между друзьями можно судить по стихотворениям Пушкина «Петру Яковлевичу Ч.». «К портрету Ч.» и другим. Чаадаеву выпало на долю спасти Пушкина от грозившей ему ссылки в Сибирь или заключения в Соловецкий монастырь. Узнав об опасности, Ч., бывший тогда адъютантом командира гвардейского корпуса кн. Васильчикова, добился не в урочный час свидания с Карамзиным и убедил его вступить за Пушкина...»

© Богучарский В. Я., 1907

© Public Domain, 1907

Василий Богучарский Чаадаев Петр Яковлевич

Чаадаев (Петр Яковлевич) – известный русский писатель. Год рождения его точно неизвестен. Лонгинов говорит, что Ч. родился 27 мая 1793 г., Жихарев считает годом его рождения 1796-й, Свербеев неопределенно относит его к «первым годам последнего десятилетия XVIII века». По матери Ч. приходился племянником князей Щербатовых и внуком известного русского историка. На руках этой родни Ч. получил первоначальное, замечательное для того времени образование, которое закончил слушанием лекций в Московском университете. Зачислившись юнкером в семеновский полк, он участвовал в войне 1812 г. и последующих военных действиях. Служа затем в лейб-гусарском полку, Ч. близко сошелся с учившимся тогда в Царскосельском лицее молодым Пушкиным. По словам Лонгинова, «Ч. способствовал развитию Пушкина, более чем всевозможные профессора своими лекциями». О характере бесед между друзьями можно судить по стихотворениям Пушкина «Петру Яковлевичу Ч.». «К портрету Ч.» и другим. Чаадаеву выпало на долю спасти Пушкина от грозившей ему ссылки в Сибирь или заключения в Соловецкий монастырь. Узнав об опасности, Ч., бывший тогда адъютантом командира гвардейского корпуса кн. Васильчикова, добился не в урочный час свидания с Карамзиным и убедил его вступить за Пушкина. Пушкин платил Ч. теплою дружбою. В числе «самых необходимых предметов для жизни» он требует присылки ему в Михайловское портрета Ч. Ему посылает он первый экземпляр «Бориса Годунова» и горячо интересуется его мнением об этом произведении; ему же шлет из Михайловского целое послание, в котором выражает свое страстное пожелание поскорее в обществе Ч. «почитать, посудить, побранить, вольнолюбивые надежды оживить». В предисловия к «Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff publiées pour la première fois par P. Gagarin» говорится следующее: «В молодости Ч. был прикосновенен к либеральному движению, завершившемуся катастрофой 14 декабря 1825 г. Он разделял либеральные идеи людей, которые принимали участие в этом движении, соглашался с ними по вопросу о реальности того сильного зла, от которого страдала и страдает Россия, но расходился с ними по вопросу о причинах его и в особенности по вопросу о средствах к его устранению». Если это верно, то Ч. мог вполне искренно примыкать к Союзу благоденствия и столь же искренно не соглашаться с направлением, возобладавшем впоследствии в Северном и особенно в Южном обществе. В 1820 г. в СПб. произошли известные волнения в семеновском полку. Император Александр находился тогда в Троппау, куда Васильчиков и послал Ч. с известием о происшедших беспорядках. Свербеев, Герцен и другие рассказывают в своих воспоминаниях и записках, что австрийский посол граф Лебцельтерн успел с своей стороны отправить курьера в Троппау, который, будто бы прибыл туда раньше Ч. и рассказал о происшедшем в Петербурге Меттерниху, и последний сообщил о них первым ничего не подозревавшему императору. Когда прибыл Ч., Александр резко выразил ему порицание за медленность езды, но потом, как бы спохватившись, предложил ему звание флигель-адъютанта. Оскорбленный Ч. просил одной милости – отставки, и получил ее даже без обычного награждения следующим чином. Таков ходячий рассказ о причинах отставки Ч. Лонгинов решительно его опровергает, утверждая, что никакого курьера в Троппау Лебцельтерн не посылал, что еще до отправки Ч., при первых же признаках неповиновения солдат, к Александру был отправлен другой курьер, и что, таким образом, император ко времени прибытия Ч. в Троппау знал уже о петербургских событиях, получив сведения о них от русского курьера, а не от Меттерниха. Как бы то ни было, но в этот момент Ч. пострадал вдвойне: разбилась его блестящая карьера и вместе с тем он сильно упал в мнении товарищей-офицеров, среди которых был весь цвет тогдашней интеллигенции. Говорили, что он ни в каком случае не должен был брать на себя такого щекотливого поручения; зная о жалюемых курьерам в таких случаях флигель-адъ-

ютантских аксельбантах, он должен был чувствовать себя особенно неловко перед своими бывшими сослуживцами по семеновскому полку, на которых обрушились весьма тяжелые кары. Весьма возможно, что вследствие этого от него отделились члены тайного общества, куда он был принят Якушкиным, и что именно потому Ч. не любил говорить впоследствии о своих отношениях к декабристам, поездке в Троппау и разговоре с Александром. После отставки он прожил за границей целых шесть лет. Все события 1825–1826 гг. прошли, таким образом, в его отсутствие. Эти события снесли с исторической арены почти весь цвет того поколения, к которому принадлежал Ч. Возвратясь на родину, он застал уже иное время и иных людей. С этого же времени фигура Ч. выделяется на фоне русской жизни уже не в качестве общественного деятеля или одного из будущих реформаторов России, не в том образе, о котором говорил Пушкин, что «он был бы в Риме Брут, в Афинах – Периклес», а в образе мыслителя, философа, блестящего публициста. В Европе Ч. вращался среди замечательных умов. В числе его личных знакомых были Шеллинг, Ламеннэ и др. Воззрения этих людей не могли не иметь влияния на Ч., имевшего от природы сильный ум и определенную философскую складку мысли. Обширное чтение также много способствовало выработке Ч. прочного мирозерцания. «В моих понятиях, – говорит Жихарев, – Ч. был самый крепкий, самый глубокий и самый разнообразный мыслитель, когда-либо произведенный русской землей». С конца двадцатых годов Ч. был очень близок со старшим Киреевским. Когда издававшийся последним журнал «Европеец» был запрещен и сам Киреевский отдан под надзор полиции, Ч. написал (в 1831 г.) «Mémoire au compte Benkendorf, rédigé par Tchadaëeff pour Jean Kiréifsky». В этом документе Ч. излагает свои взгляды на историю России, весьма близкие к тем, которые появились пять лет спустя в его знаменитом «Философическом письме», но, в отличие от него, указывает и на положительные средства, при помощи которых можно направить Россию к лучшему будущему. Для этого необходимо «прежде всего серьезное классическое образование», затем «освобождение наших рабов», являющееся «необходимым условием всякого дальнейшего прогресса», и, наконец, «пробуждение религиозного чувства, дабы религия вышла из некоторого рода летаргии, в котором она ныне находится». Была ли доставлена эта записка по назначению или нет – неизвестно. Она была написана в 1831 г. и содержала уже в себе много «чаадаевских» мыслей. Те философские письма Ч. «к г-же ***» (по одним сведениям – Пановой, урожденной Улыбышевой, по другим – жене декабриста М. Ф. Орлова, урожденной Раевской), из которых появилось в печати (в 1836 г.) только первое, были написаны за семь лет перед тем. О них упоминает Пушкин еще 6 июля 1831 г. Круг знавших о существовании этих писем лиц был, однако, очень невелик; до появления первого из них в печати о них ничего не знал даже такой сведущий в литературных и общественных делах своего времени человек, как Герцен. Впечатление от напечатания Надеждиным в «Телескопе» «Философического письма» Ч. было чрезвычайно сильное. «Как только появилось письмо, – говорит Лонгинов, – поднялась грозная буря». «После «Горя от ума» не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление», – рассказывает по этому же поводу Герцен. По словам Свербеева, «журнальная статья Ч. произвела страшное негодование публики и потому не могла не обратить на него преследования правительства. На автора восстало все и вся с необычным до того ожесточением в нашем довольно апатичном обществе». Ожесточение в самом деле было беспрецедентное. «Никогда, – говорит Жихарев, – с тех пор как в России стали читать и писать, с тех пор как в ней завелась книжная деятельность, никакое литературное и учебное событие, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромного влияния и такого обширного действия, не разносилось с такою скоростью и с таким шумом. Около месяца среди целой Москвы почти не было дома, в котором не говорили бы про чаадаевское письмо и про чаадаевскую историю. Даже люди, никогда не занимавшиеся никаким литературным делом, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуального развития мало чем разнившиеся от своих кухарок и прихвостниц, подьячие и чиновники, потонувшие в каз-

нокрадстве и взяточничестве, тупоумные, невежественные, полупомешанные святоши и изуверы или ханжи, поседевшие и одичавшие в пьянстве, распутстве и суеверии, молодые отчизнолюбцы и старые патриоты, – все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения к человеку, дерзнувшему оскорбить Россию. Не было такого осла, который бы не считал за священный долг и приятную обязанность лягнуть копытом в спину льва историко-философской критики... На чаадаевскую статью обратили внимание не одни только русские: в силу того, что статья была написана (первоначально) по-французски, и вследствие большой известности, которую Ч. пользовался в московском иностранном населении, – этим случаем занялись и иностранцы, живущие у нас и обыкновенно никогда никакого внимания не обращающие ни на какое ученое или литературное дело в России и только по слуху едва знающие, что существует русская письменность. Не говоря про нескольких высокопоставленных иностранцев, из-за чаадаевского письма выходили из себя в различных горячих спорах невежественные преподаватели французской грамматики и немецких правильных и неправильных глаголов, личный состав московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословие, разные практикующие и не практикующие врачи, музыканты с уроками и без уроков, даже немецкие аптекари... В это время я слышал, будто студенты Московского университета приходили к своему начальству с изъявлением желанья оружием выступить за освобожденную Россию и переломить в честь ее копье и что граф, тогдашний попечитель, их успокаивал... Известный Вигель послал тогда же петербургскому митрополиту Серафиму донос; Серафим довел об этом до сведения Бенкендорфа – и катастрофа разразилась. Надеждин был сослан в Усть-Сысольск, а Ч. объявлен сумасшедшим. Жихарев приводит подлинный текст бумаги, в которой Ч. объявлялся сошедшим с ума: «Появившаяся тогда-то такая-то статья, – гласила эта бумага, – выраженными в ней мыслями возбудила во всех без исключения русских чувства гнева, отвращения и ужаса, в скором, впрочем, времени сменившиеся на чувство сострадания, когда узнали, что достойный сожаления соотечественник, автор статьи, страдает расстройством и помешательством рассудка. Принимая в соображение болезненное состояние несчастного, правительство в своей заботливости и отеческой попечительности предписывает ему не выходить из дому и снабдить его даровым медицинским пособием, на который конец местное начальство имеет назначить особого из подведомственных ему врача». Это распоряжение приводилось в исполнение в течение нескольких месяцев. По свидетельству Герцена, доктора и полицеймейстер приезжали к Ч. *еженедельно*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.